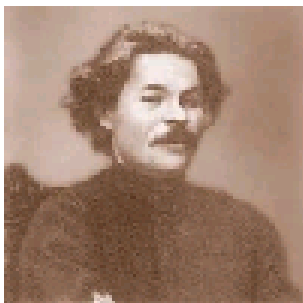


Белгородская государственная универсальная научная
библиотека
Отдел абонементов



ГОРЬКОВСКИЕ ВЕЧЕРА

к 140-летию со дня рождения М. Горького

Белгород 2008

ББК 83.3(2Рос=рус)6
Г 71

Составитель: *О. С. Иващенко,*
главный библиотекарь отдела абонементов

Ответственный за выпуск: *С. А. Бражникова,*
заместитель директора по научной работе

Г 71 **Горьковские вечера** : сборник материалов к 140-летию со дня рождения М. Горького / Белгородская государственная универсальная научная библиотека ; отдел абонементов ; сост. О. С. Иващенко. – Белгород : БиЦ БГУНБ, 2008 – 68 с.

ББК 83.3(2Рос=рус)6

© Белгородская государственная
универсальная научная библиотека,
2008

Содержание

<i>От составителя</i>	4
«УДАЧИ И ПОРАЖЕНИЯ М. ГОРЬКОГО»: материалы Круглого стола в литературном клубе «Диалог»	
<i>Иващенко О. С.</i> Вступительное слово	9
<i>Кулиш Ж. В.</i> Периоды творчества писателя.....	10
<i>Медведева Н. М.</i> «Наставник Человеков на земле».....	14
<i>Гулин В. И.</i> Горький и Власть	16
<i>Абрамов И. А.</i> Религиозные искания М. Горького.....	20
<i>Улановский М. К.</i> Человек	23
<i>Чернявская И. Н.</i> Песня молодого цыгана.....	24
<i>Дюгаева Т. М.</i> Мое прочтение М. Горького.....	25
 ЛИТЕРАТУРНО-МУЗЫКАЛЬНЫЕ ВЕЧЕРА: СЦЕНАРИИ	
<i>Медведева Н. М.</i> «Наставник Человеков на земле»: лите- ратурно-музыкальная композиция.....	27
<i>Казмирова Л. К., Иващенко О. С.</i> «Певец человеческой красоты»: театрализованный литературно-музыкальный вечер.....	40

От составителя

Сегодня сложилось определенное представление о Горьком, по мнению многих современных исследователей, ложное и далекое от истины. Аркадий Ваксберг в книге «Гибель буревестника» пишет: «После смерти Горького 18 июня 1936 года какое-то время о нем писали газеты – как о человеке, а не гениальном художнике слова. Люди из ближайшего его окружения делились воспоминаниями о последних днях. Постепенно реальный Горький, хотя бы и в роли жертвы «врачей-убийц», незаметно исчезнет из книг и газет. Он станет не человеком, а мифом, превратившись в «основоположника советской литературы», «творца социалистического реализма», в великого друга Ленина и Сталина, в непримиримого врага «врагов народа», в создателя Союза советских писателей...».

Судьба одной из самых загадочных, драматичных и противоречивых личностей века была «обрублена, обстругана и отполирована до отвращения», естественно вызывая, считает Аркадий Ваксберг, стойкую неприязнь, как к самой личности Горького, так и к сочинениям, созданным им.

Юбилей писателя дает возможность вновь говорить о Максиме Горьком как о великом писателе XX столетия, о мастере художественного слова. Хотя противоречивость горьковской позиции, порой даже полная несовместимость одних его слов и поступков с другими, на самом деле, характерных для биографии этого сложного человека, не дает возможным нарисовать горьковский образ писателя с каким-то определенным знаком – положительным или отрицательным, он гораздо глубже, интереснее, разностороннее. Ведь сама жизнь Алексея Максимовича Пешкова была исторически содержательной, емкой, богатой.

Родился Алексей Максимович Пешков (Максим Горький) 16 марта (28 марта по новому стилю) 1868 года в Нижнем Новгороде в семье мещан Максима Савватиевича и Варвары Ва-

сильевны Пешковых. Отец, управляющий пароходной конторой в Астрахани, рано умер от холеры. Мать после смерти мужа вернулась к отцу. Алеша жил в доме деда Василия Каширина, где царили ссоры, тяжба за раздел имущества между братьями матери. Находиться среди них ребенку было нелегко. Но от детства остались светлые воспоминания о бабушке Акулине Ивановне. Бабушка рассказывала внуку сказки, учила любить природу, прививала ему любовь к народной музыке, вселяла в него веру в счастье. Шести лет Алеша под руководством деда освоил церковно-славянскую грамоту, затем гражданскую печать. Обучался в слободском училище, за 3-й класс сдал экзамены экстерном, получив похвальный лист. После смерти матери, когда Алеше исполнилось 11 лет, дед отправил его «в люди», где ему пришлось несладко: «мальчик» при магазине модной обуви, посудник на пароходе, продавец в иконной лавке, работник в иконописной мастерской, десятник на строительстве ярмарки, статист в ярмарочном театре. Несмотря на нелегкую жизнь, Алеша очень много, с жадностью читал. Сначала все, что попадалась под руку, позже открыл для себя русскую классику, книги по искусству и философии. В 1884 году Алексей едет в Казань, мечтая о занятиях в университете, но учиться ему не пришлось: жить было не на что. Будущий писатель проходил свой университет на пристанях, в ночлежках, в студенческих нелегальных кружках, где читали Чернышевского и Маркса, работал садовником, дворником, подручным пекаря. Поддерживало и воспитывало юношу в трудные для него годы чтение. Его внимание привлекли философские труды А. Шопенгауэра, книги по естествознанию, в частности, «Рефлексы головного мозга» И. М. Сеченова. Интересовала история – труды С. М. Соловьева, В. О. Костомарова, Н. И. Ключевского, не раз перечитывал «Историю упадка и разрушения Римской империи» Э. Гиббона. Таким образом, имея начальное образование, Алексей Максимович самоучкой приобрел обширные познания, поражавшие современников.

Пережитое за все эти годы воплотилось в автобиографическую трилогию «Детство», «В людях», «Мои университеты» (1913–1923).

Летом 1888 года Алексей отправился на Каспий, работал там на рыболовных промыслах. Оттуда и началось его «хождение по Руси». Пешков исходил пешком, зарабатывая трудом на пропитание, средние и южные области России. «Хождение мое по Руси, – вспоминает Горький, – было вызвано не стремлением ко бродяжничеству, а желанием видеть – где я живу, что за народ вокруг меня?». Босая жизнь дала собственный жизненный опыт, яркие впечатления о людях, с которыми Алексей встречался, что явилось основой его ранних произведений. Первый рассказ «Макар Чудра» в сентябре 1892 года опубликовала тифлисская газета «Кавказ». Под ним стояла подпись: «Максим Горький». Окончательно вернувшись в октябре 1892 года в родной город, начинающий писатель активно печатается в волжских периодических изданиях. С 1893 года систематически начали выходить в свет художественные произведения Максима Горького: «Челкаш», «Старуха Изергиль», «Песня о соколе», «Хан и его сын», «Немой», которые принесли Горькому широкую известность. В 1900 году, когда было издано четырехтомное издание «Рассказы» и вышли романы «Трое», «Фома Гордеев» – к писателю пришла всероссийская литературная слава. С 1902 года Горький раскрывается как драматург – пьесы «Мещане» (1902), «На дне» (1902), «Дачники» (1905), «Дети Солнца» (1905), «Варвары» (1906) и другие.

В годы революции 1905–1907 годов Горький активно помогает большевистской партии и создает роман о революционерах «Мать». В 1906–1913 годах живет в Италии на острове Капри. Там созданы сатирические «Русские сказки» (1909), романтические «Сказки об Италии» (1911–1913), повести «Городок Окуров» (1909), «Жизнь Матвея Кожемякина» (1910–1911) и др. После Октябрьской революции 1917 года

Горький недолгое время был одним из активных ее деятелей и сторонников, но реальный ход событий резко расходился с его мечтами и надеждами, которые писатель отразил в работах «Несвоевременные мысли», «Революция и культура» и др.

В полную меру талант Горького проявился в последнем романе «Жизнь Клима Самгина», где, по авторскому определению, воспроизведена история русской интеллигенции за 40 лет. Свыше 10 лет работал писатель над этим романом. Глубокой печалью и мужеством прозвучали слова Горького за несколько дней до кончины: «Конец романа – конец героя – конец автора». В 1936 году М. Горький умер.

До конца жизни писатель пользовался колоссальным авторитетом, по его инициативе создавались издательства, журналы, Литературный институт, в значительной мере – Союз советских писателей. Его проза и драматургия составили целую эпоху в мировой и отечественной литературе. Значение горьковского литературного наследия непреходяще, что и подтвердил цикл юбилейных мероприятий «Горьковские вечера», организованный отделом абонементов БГУНБ.

Цели «Горьковских вечеров» – раскрыть широкой публике многоликость личности и многогранность творчества великого писателя; показать, что за хрестоматийным Горьким школьных и вузовских учебников стоит другой, настоящий М. Горький – человек, воплотивший в себя надежды, сомнения, разочарования XX века.

В сборник «Горьковские вечера» включены выступления участников Круглого стола в литературном клубе «Диалог», а также сценарии литературно-музыкальных вечеров.

Материалы Круглого стола «Удачи и поражения М. Горького» посвящены личности М. Горького, которая не менее интересна, чем его произведения. Выступления членов клуба всесторонне охватывают периоды жизни писателя, его отношения с властью, сложный творческий путь писателя от «людей к человеку».

В основу сценария литературно-музыкального вечера «Наставник Человеков на земле» вошли отрывки из произведений М. Горького, отвечающие на важнейший вопрос творчества писателя: «Что есть Человек?». Элементы театрализации, музыкальное сопровождение, художественное чтение отрывков из горьковских произведений разных периодов позволили зрителям ярко, интересно, занимательно передать зрителю смысл «человеческой» концепции писателя. Текст раскрывает мировоззрение двух главных героев: обывателя и романтика, что дает зрителям возможность контрастно рассматривать основную идею литературно-музыкальной композиции.

Сценарий театрализованного литературно-музыкального представления по произведениям писателя «Певец человеческой красоты» отражает еще одну из граней творчества М. Горького, когда музыка помогает раскрыть внутренний мир героев.

Используя материалы сборника, библиотекари, учителя, работники учреждений культуры помогут публике с разных сторон рассмотреть личность М. Горького, по-новому увидеть его как гениального художника слова.

**«УДАЧИ И ПОРАЖЕНИЯ М. ГОРЬКОГО»
материалы Круглого стола, посвященного
140-летию со дня рождения М. Горького**

Вступительное слово

О. С. Иващенко,
*гл. библиотекарь
отдела абонемента БГУНБ*

28 марта в России отмечался юбилей М. Горького. К сожалению, средства массовой информации недостаточно внимания уделили такому великому русскому писателю, как М. Горький. Только телевизионный канал «Культура» показал новый документальный фильм по сценарию Павла Басинского и в течение недели демонстрировал телевизионные фильмы по пьесам М. Горького: «Егор Булычев и другие», «Достигаев и другие», «На дне», «Враги» и др. Однако, это уже позволило обратить внимание зрителей на то, что горьковская драматургия пережила свое время и своего автора: каждое новое поколение возвращается к ней, находя в его пьесах то, что созвучно новому времени. Тем более, что многие горьковские произведения переживают свое второе, третье, а то и пятое рождение, привлекая внимание и новых режиссеров, и новой публики.

Однако телевидение не предоставило возможность зрителю вспомнить экранизации его блестящих прозаических произведений, которые и сегодня вызывают восхищение у многих читателей: ранние романтические рассказы и повести, «Детство», «В людях», «Мои университеты», последний незаконченный роман «Жизнь Клима Самгина».

Бытует мнение, что если бы Горький больше ничего не написал, кроме романа «Жизнь Клима Самгина», то уже тогда его можно было бы назвать великим писателем. Хотя нигде

талант автора не проявился с такой полнотой, как в эпистолярной прозе. Этот, поистине, уникальный архив позволяет увидеть Горького-человека и Горького-писателя во всем его богатстве и многообразии; понять постигшую его трагедию, объективно оценить его, заслуживающие восхищения и уважения, как гуманные акции, так и поступки, которые порою были сложны и противоречивы.

Сегодня новые материалы, новые исследования позволяют увидеть другого Горького – куда более объемного, куда более сложного: могучего и беспомощного, пронизательного и наивного, всевидящего и слепого...

Об этом и хотелось поговорить сегодня во время Круглого стола. Я предлагаю начать разговор с основных периодов творчества писателя, и предоставить слово кандидату филологических наук **Жаннете Васильевне Кулиш**.

ПЕРИОДЫ ТВОРЧЕСТВА ПИСАТЕЛЯ

Ж. В. Кулиш, кандидат
филологических наук

Посмертная судьба М. Горького обща и несправедлива, наряду с объективными суждениями высказывались и раздраженно негативные.

Общая оценка писателя однозначна:

- крупный художник, приобретший мировую славу;
- «фантастически талантлив», – говорили его современники;
- «Талантлив очень», – признавал Л. Толстой;
- М. Горький, как личность, наделен самыми высокими человеческими качествами. Это не миф, не выдумка. Это подтверждено документально: он спас несколько сот человек от голода, от гибели в годы революционно-

го террора, в годы поисков «врагов народа», помог многим молодым талантам найти свое место в искусстве;

- «Великий титан, океанический человек» – мнение Бориса Пастернака.
- «Безмерный вы человек» говорил Максиму Горькому М. Пришвин.

Все положения неоспоримы. Споры и противоречия в оценке Максима Горького начинаются, когда речь заходит об отдельных фактах биографии, чертах личности, об оценке некоторых произведений, персонажей.

Ярче всего противоречия проявились в критической, исследовательской литературе. В ней четко выделяются четыре периода:

- I – Дореволюционный,
- II – Советское время,
- III – Распад СССР,
- IV – Перестройка.

При знакомстве с исследовательской литературой возникает странное ощущение – все пишут об одном человеке, а создается впечатление, что о разных лицах.

I. Дореволюционный период.

Известные критики, писатели, общественные деятели – К. Чуковский, Б. Михайловский, В. Ходасевич, Г. Плеханов, Ю. Анненков, А. Луначарский и др. единодушны во мнении о том, что появился писатель, сказавший новое слово в искусстве, что Л. Толстой, А. Чехов завершают старый век, а М. Горький открывает новый.

Издательства самых различных литературных и политических направлений жаждут получить рукопись очередного произведения М. Горького. Появление писателя в публичных местах вызывает бурные овации и в России, и за рубежом. Это подтверждают и слова П. Боборыкина: «Всего 5 лет пишет! Я вот 40 лет пишу, 60 томов написал, а мне таких оваций не было» (2, с. 210).

II. Советский период.

Горьковеды: В. Десницкий, В. Шкловский, К. Муратова, А. Вайнберг и др. провозгласили М. Горького «пролетарским писателем», «буревестником революции», другом и соратником Ленина, а затем – Сталина, «основателем социалистического реализма».

Материалы, свидетельствующие о мучительных переживаниях, колебаниях М. Горького замалчивались. О «Несвоевременных мыслях», о переписке с Лениным, о контактах с Ф. Дзержинским и других фактах его биографии узнают спустя много лет, а ведь реакция Алексея Максимовича на происходящее в стране порою была очень острой. Так, после выхода указа Н.К. Крупской о запрете трудов известнейших философов, писателей, религиозных деятелей Горький писал В. Ходасевичу, что готов был заявить о выходе из русского подданства.

III. Распад СССР.

Появилась возможность познакомиться с запрещенными до сих пор материалами, возникли условия, когда можно было дать объективную оценку Максиму Горькому, но этого не произошло. По определению Н. Примочкиной, начался период «огульной и несправедливо резкой критики» М. Горького, обвинение его в приспособленчестве, в неискренности, в использовании своего авторитета для обеспечения условий жизни и т. д.

И во втором, и в третьем периодах давалось однобокое, а, следовательно, и ложное освещение личности и творчества М. Горького.

IV. Перестройка.

Благодаря появлению новейших исследований П. Басинского, В. Баранова, Н. Примочкиной, Л. Спиридоновой и др., выходу в свет многочисленных сборников с ранее не публиковавшимися материалами о М. Горьком, создается объективная оценка личности и творчества писателя, которого справедливо называют великим.

Вышло в свет много работ зарубежных авторов (Т. Венциловой, Т. Хетсо, Э. Брауна и др.), в которых дается высокая оценка Горького – художника слова, мыслителя, человека, просматривается эволюция писателя, дается объяснение свойственному М. Горькому сложно-противоречивому, двойственному отношению к миру, названному «амбивалентным».

Знакомство с исследовательской литературой заставляет задуматься о собственном восприятии и оценке М. Горького. Невольно задумываешься над словами о Максиме Горьком Льва Толстого, который писал: «У него душа соглядатая, он пришел откуда-то в чужую ему, ханааскую землю, ко всему присматривается, все замечает и обо всем доносит какому-то своему богу...» (2, с. 217).

Кстати, и у Горького представление о Льве Толстом, как о «пришельце». Он писал: «Иногда кажется: он только что пришел откуда-то издалека, где люди иначе думают, чувствуют, иначе относятся друг к другу, и даже не так двигаются и другим языком говорят. Он сидит в углу усталый, седой, точно запыленный пылью иной земли, и внимательно смотрит на всех глазами чужого и немого» (2, с. 220).

Горький, действительно, выглядит инопланетянином в той среде, где пришлось ему жить, в стремлении познать мир человеческих отношений, в удивлении его жестокостью и несправедливостью и желании исправить его.

Ведущий: Представленная периодизация дает много пищи к размышлению. Хотелось бы услышать мнение о Горьком кандидата филологических наук, преподавателя Белгородского государственного института культуры и искусств **Нatalьи Михайловны Медведевой.**

«НАСТАВНИК ЧЕЛОВЕКОВ НА ЗЕМЛЕ» концепция человека в творчестве М. Горького

Н. М. Медведева,

*кандидат филологических наук,
доцент кафедры гуманитарных наук
Белгородского государственного
института культуры и искусств*

Одним из важнейших вопросов творчества М. Горького является вопрос «Что есть человек?». С особой остротой он был поставлен в поэме «Человек» и монологе Сатина в драме «На дне». К. Федин в книге «Горький среди нас. Картины литературной жизни» приводит слова М. Горького, которые определяют интересы писателя: «Я всю жизнь занимался человековедением» (2, с. 65).

По существу творчество Горького – очень сложный путь от «людей к человеку». Уже в своих первых рассказах писатель внимательно присматривается к человеку, стремится понять его, и, видимо, не случайно в качестве заглавий для некоторых своих произведений он берет имена героев-рассказчиков: «Макар Чудра», «Емельян Пиляй», «Старуха Изергиль». Горького интересует не столько характер, личность как проявление индивидуального в человеке, сколько некое универсальное понятие человеческой природы. Объектом авторского внимания становится человек и человеческое как сущее. Герои его ранних произведений исключительные, сильные духом и гордые люди, у них «солнце в крови», горящие сердца: «у него не было заветного – нужно тебе его сердце. Он сам бы вырвал его из груди, да тебе и отдал», – говорит Макар Чудра о Лойко Зобаре. Таковы и Данко, и маленькая Фея. Эти герои исповедуют абсолютную свободу, им свойственно героическое мироощущение. Не случайно автор в ран-

них своих произведениях широко использует художественные средства романтизма.

Особый пласт творчества Горького – рассказы о босяках: «Дед Архип и Ленька», «Злодей», «Челкаш», «Как поймали Семагу», «Коновалов», «Бывшие люди». Босяки и выламывающиеся из своего класса персонажи привлекают его. Он сумел увидеть в босяке человека. Все это хорошо почувствовал Л. Толстой, который записал в своем дневнике: «Мы все знаем, что босяки – люди и братья, но знаем это теоретически; он же показал нам их во весь рост, любя их, и заразил нас этой любовью. Разговоры их неверны, преувеличены, но мы все прощаем за то, что он расширил нашу любовь».

Однако постепенно Горький отходит от идеализации босячества. У него появляется рассказ «Проходимец», герой которого – босяк исповедует циничную философию: «Главное, чтобы мне было хорошо, а на остальное наплевать!».

«Я в мир пришел, чтобы не соглашаться», – эта строчка из несохранившейся поэмы «Песнь старого дуба» выражает протест молодого писателя на мир как творение Бога и говорит об очень сложных отношениях писателя к вопросам Бога, богоборчества, боготворчества, сверхчеловека: «Человеку мешают жить, как он хочет, две силы – Бог и люди». И он отринул Бога, обратившись к сверхчеловеку.

Вопрос о ницшеанстве М. Горького сложен. Писатель читал Ницше, упоминал о нем, но его высказывания носят сдержанный характер, во многом критический.

И вновь Горький обращается к Богу. Он пытается примирить божественное и человеческое. Это удалось ему в монологе Сатина: «Человек может верить и не верить ... это его дело! Человек – свободен ... он за все платит сам: за веру, за неверие, за любовь, за ум – человек за все платит сам, и потому он – свободен!.. Человек – вот правда! Что такое человек?.. это не ты, не я, не они ... нет! – это ты, я, они, старик, Наполеон, Магомет ... в одном! *(очерчивает пальцем в воздухе фи-*

гуру человека). Понимаешь? Это – огромно! В этом все начала и концы ... Все – в человеке, все для человека! Существует только человек, все же остальное – дело его рук и его мозга! Человек! Это – великолепно! Это звучит ... гордо! Человек! Надо уважать человека! Не жалеть ... не унижать его жалостью ... уважать надо! ... Как хорошо это ... чувствовать себя человеком!». В Откровении читаем: «Я есмь Альфа и Омега, начало и конец». Если вспомнить письма Горького, в которых он говорит о человеке, создавшем даже Бога, то мысль писателя звучит явно: «Человек – вместилище Бога живого».

Мысль о росте человечности в человеке, о необходимости научить людей любить, уважать истинно человеческое звучит на протяжении всего творчества М. Горького.

Ведущий: Быть великим писателем достаточно сложно было во времена Горького, и как же удавалось ему с этим справиться, какими были отношения Горького и Сталина. Хотелось бы услышать мнение об этом историка **Владимира Ивановича Гулина**.

ГОРЬКИЙ И ВЛАСТЬ

В. И. Гулин, кандидат
исторических наук, доцент

В России в последние годы жизнь и творчество Горького исследуется заново. Наряду с монографиями П. Басинского и В. Баранова, следует отметить публикации в СМИ Л. Спиридоновой и Р. Гусейнова. Все ведущие журналы и газеты опубликовали материалы к юбилею этого крупнейшего русского писателя и мыслителя. В научный оборот введен широкий круг новых материалов, открылись и новые аспекты взаимоотношений М. Горького и власти.

Художник и власть – всегда сложная проблема, порой трагичная. Взаимоотношения такого многогранного и противоречивого художника, как Горький, и такой жесткой и непредсказуемой власти, как формирующаяся система личной власти Сталина, не могли быть равными и не драматичными.

Сталин был внимательным читателем и знал силу воздействия художественного слова и влияния деятелей культуры на народ. Разумеется, он хорошо знал биографию и творчество Горького, его отношение к революции, к Ленину и начавшемуся строительству социализма в СССР. Знал его заметное место в мировой прогрессивной литературе. Известны были слова Горького: «Я не марксист и оным не буду во веки». В книге «Несвоевременные мысли», вышедшей в 1918 году, писатель дал отрицательную оценку Октябрьской революции, в частности, революционному террору и беззаконию. По этим вопросам Горький вступал в горячие споры с Лениным.

В конце 20-х годов на Западе стали появляться статьи из названной книги. Было известно также, что Горький переписывается с руководителями сталинской оппозиции. И Сталин поставил перед ОГПУ вопрос о возвращении Горького в Россию и об использовании его авторитета для создания и укрепления своего режима, для привлечения на сторону СССР деятелей культуры на Западе. В советском руководстве знали слабости Горького. Главные из них сводились к тщеславию и к материальной обеспеченности себя и своих близких. Сталин на этом сыграл и выиграл, поставив Горького себе на службу. В стране был создан культ личности Горького, организовано массовое поклонение. Вопреки протестам писателя, Нижний Новгород был переименован в Горький, а потом его именем была названа главная улица Москвы. Еще при жизни стали появляться многочисленные портреты и скульптуры писателя. Он получал большие гонорары, особое снабжение и все необходимое для жизни «на широкую ногу». Сталин лично, от-

крыто ему льстил. Известна его оценка поэмы «Девушка и смерть», которая якобы сильнее, чем «Фауст» Гете.

Горький предчувствовал, что его ждет в СССР, и колебался в принятии решения о поездке. Однако горячо любимый сын и любимая женщина Мария Игнатьевна, баронесса Закревская-Бенкендорф-Будберг, убедили его в необходимости возвращения на родину. Сыграли свою роль как финансовые соображения, так и начавшиеся притеснения итальянских фашистских властей. Кроме того, надо иметь в виду, что Горький был глубоко русским человеком, хотел жить в России со своим народом, видеть свою Волгу. С 27 мая 1928 года, когда писатель пересек советскую границу и до последних дней жизни, его окружали массовое восхищение и поклонение. Постепенно Горький переходит на позиции положительной оценки социалистических преобразований, отмечая, прежде всего, воспитание нового человека. Несомненно, он видел и трагическую сторону жизни в СССР, и это терзало его. Он высказывал свое несогласие с методами коллективизации и индустриализации, с методами преследования инакомыслящих и тех, кто просто попадал в жернова репрессий. Но открыто не выступал, предпочитая высказывать свою позицию лично Сталину и другим руководителям страны. В публичной деятельности Горький служил Советской власти.

В 1929 году он съездил на Соловецкие острова, посетил «показушный» концлагерь и написал положительный отзыв, который прозвучал громко и вызвал недоумение среди интеллигенции. В 1930-33 годах выходят его принципиальные статьи: «Если враг не сдается, его уничтожают», «С кем вы, мастера культуры?», «О социалистическом реализме». В августе 1933 года по инициативе Горького 120 писателей совершили поездку по Беломоро-Балтийскому каналу. Сам он не поехал, но в начале сентября, выступая на слете ударников строительства канала, горячо одобрил эту стройку и высоко ее оценил в плане перевоспитания людей. А ведь в стране было известно

о гибели многих тысяч заключенных на этой стройке. Горький активно участвовал в подготовке книги по итогам поездки писателей «Беломоро-Балтийский канал имени Сталина». Был редактором и автором вводной статьи «Правда социализма».

Горький сыграл большую роль в том, что Москву посетили выдающиеся писатели, такие как Р. Роллан, А. Барбюс, Л. Фейхтвангер и другие, которые воспели СССР и Сталина.

Трудно переоценить роль Горького в подготовке и в работе в августе 1934 года Первого Всесоюзного съезда писателей, в разработке принципов социалистического реализма. Некоторые исследователи считают, что к этому времени писатель окончательно сломался, и согласие его с принципами социалистического реализма есть плод «старческого маразма». Речь, видимо, нужно вести о компромиссе, на который он вынужден был пойти. О том, что он не сломался, говорит его позиция по требуемой от него книги о Сталине, или хотя бы большой статьи. Ни того, ни другого он не написал. Вождь обижался и высказывал обиду.

Надо отметить, что Горький окончил жизненный путь в результате серьезных болезней, а не был отравлен или «залечен». Последняя точка зрения еще существует. Авторитетная медицинская комиссия во главе с академиком Чазовым пришла к выводу, что состояние писателя к 1936 году было безнадёжным.

Горький видел трагизм жизни народа, видел перегибы и преступления власти, но считал, что они временны и служат прогрессу. В то же время он видел невиданный в истории энтузиазм, веру народа, освобожденного от сословной неполноценности, в социализм, в рождение нового человека, который «звучит гордо». Горький был одним из крупных деятелей культуры, которые не только играют яркие роли в истории, но и переживают глубокие трагедии.

Ведущий: Но не только отношения с властью беспокоили великого писателя, отношение к религии у Алексея Максимовича также было неоднозначным. Анализ этого вопроса подготовил **Игорь Андреевич Абрамов**.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ИСКАНИЯ М. ГОРЬКОГО

*И. А. Абрамов,
математик*

Для рассмотрения религиозных исканий Горького удобно применить схему религиозного развития, данную Владимиром Соловьевым (1858–1900).

По этой схеме человек проходит три этапа веры: пора детской или слепой веры, пора развития рассудка и отрицание слепой веры и, наконец, пора веры сознательной, основанной на разуме.

В детской вере Горького было двоебожие: «добрый Бог» бабушки и «злой Бог» дедушки. «Злой бог» дедушки, вопреки желанию Алеши, постепенно заполняет его сознание.

Во время пребывания «в людях», Алеша видит мир грязным и несправедливым. Возникает обида на такой мир, который несправедлив и нуждается в улучшении. Происходит потеря детской веры.

На третьем этапе Горький ищет Бога не в Его Слове – Библии, а в суждениях далеких от Бога людей, живущих в мире, управляемом противником Бога – сатаной, который подменяет собой Бога в сознании людей, приписывая Ему свои подлости.

Искания Бога Горький раскрывает в повестях: «Трое», «Исповедь» и других произведениях. Он ищет Бога в монастырях, странствиях и в беседах с отшельниками.

В итоге он делает такой вывод: «Все русские праведники, ... люди холодные, ибо верую живою и действенной не обладают».

Горький не находит в них веры в Бога по причине неверия и выражает это четверостишием:

Ночь бесконечно длится!
Муке моей нет меры,
Если б умел я молиться,
Если бы знал счастье веры!

Без веры невозможно постичь веру других. Апостол Павел пишет: «Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что о нем надобно судить духовно» (Послание к Евр. 11:6).

Окружающая жизнь рождает у Горького гнев и злобу. Он пишет: «Живая трепетная радуга тех чувств, которые именуется любовью, выцветала; в душе моей все чаще вспыхивали огоньки злости на все, шло в сердце чувство тяжелого недовольства, сознание одиночества в этой серой безжизненной чепухе».

Недовольство устройством жизни приводит Горького к идее ее изменения. Его возмущает размеренная жизнь мещан и привлекают вольнолюбивые бунтари: Буревестник, Челкаш, Данко, Зобар и др. Писатель становится «Буревестником Октябрьской революции».

Максим Горький принимает высказывание Ф. Ницше: «Бог умер» и обожествляет коллективистическое устройство мира – пролетарский интернационализм. Но Горького это не полностью удовлетворяет. В повести «Жизнь Матвея Кожемякина» он продолжает искать пути лучшего устройства мира. Писатель видит страдание людей, страдает сам и хочет найти пути избавления людей от страданий. Но нет веры. Бога искал – не нашел, занялся богостроительством – увидел бесплотность этого.

Вот как Горький пишет о своем состоянии: «Я шел босым сердцем по мелкой злобе и гадостям жизни, как по острым гвоздям, по толченому стеклу».

Жизнь Максима Горького была горька. В ней – и внешний триумф, и известность, и обласканность властями, и вместе с тем внутренняя неудовлетворенность.

Горький действительно был большим Человеком, большим писателем и мыслителем, великим мастером слова, тонко чувствующим душу человека, умеющим воздействовать на его сердце и в тоже время своим творчеством привести к глубоким размышлениям.

Для меня жизнь и творческий путь М. Горького показывают как мучительно трудно жить без Бога, даже такому исполину как Максим Горький, и как важно иметь веру и жить в гармонии с Богом. Ибо как сказал Апостол Павел: «А без веры угодить Богу невозможно; ибо Богу надобно, чтобы приходящий к Богу веровал, что он есть, и ищущим Его воздаст» (Послание к Евр. 11:6).

Ведущий: Произведения М. Горького настолько глубоко волнуют людей, что находят творческий отклик у наших современников, белгородских поэтов.

ЧЕЛОВЕК

М. К. Улановский, поэт

Человек! Это звучит.

Когда суровый дед сказал мальцу:
«Иди, Лексей. Ты не медаль на шее», –
кто знал, каким малец прийти сумеет
назад, к тому далекому крыльцу?

Его судьба не баловала слишком.
Он в люди шел и славы не искал,
но гордой птицей ринулся со скал
и – всем хорошим стал обязан книжкам.

Да, книжкам.
Пусть и этак назовут
до пота тяжкий,
Но великий труд.
...Звенела сталь,
дробя гранит веков.
Душа рвалась из каменных оков.

Последний взмах, а может быть – разбег,
и – дрогнул камень:
вырос – Человек!

Его таким сквозь марево времен
Звала мечта, преодолая страхи.
И мастера
не раз прильнули к плахе
за звон резца,
нарушившего
сон.

Ты открываешь книгу,
друг мой,
сверстник.
Взрываешь ввысь, подхвачен буйным веком.
Ты смелый Сокол.
Дерзкий Буревестник.
Но помни:
ты рожден был

ЧЕЛОВЕКОМ!
1974 г.

Ведущий: Ирина Николаевна Чернявская, поэтесса.
В ее сборниках «Таборная песня», «Соловей» чувствуются
романтические нотки ранней горьковской прозы.

ПЕСНЯ МОЛОДОГО ЦЫГАНА

*Ирина Чернявская,
Член Союза писателей России*

Творчество Максима Горького оказало на меня огромное влияние не только в эстетическом и эмоциональном, но и в литературном отношении. С детства я зачитывалась его произведениями, которые помню и люблю до сих пор. В особенности мне близки его ранние, романтические рассказы: «Макар Чудра», «Старуха Изергиль», «Песня о Соколе», «Мальва».

Разгадка проста – зерна упали на благодатную почву, иными словами, мой склад характера и романтичность души созвучны тому духу, который царит в горьковских произведениях. Вот потому-то, отталкиваясь от литературных творений великого писателя, я, в свою очередь, создавала собственные, но уже не в прозе, а в стихах. Под неизгладимым впечатлением от вышеперечисленных рассказов Горького из-под

моего пера появлялись такие стихи, как «Из нежности, страсти и боли», «Песня молодого цыгана», «У чайки изранены крылья», «Марица». А впоследствии я даже написала музыкальную пьесу в стихах – трагедию «Цвет полыни» по мотивам знаменитого горьковского рассказа «Макар Чудра». Все это красноречиво свидетельствует о том, что Максим Горький своим замечательным творчеством постоянно вдохновлял меня на те или иные литературные работы. И за это я ему глубоко благодарна.

Ведущий: Знакомство с творчеством М. Горького в душе многих читателей оставляет глубокий след.

МОЕ ПРОЧТЕНИЕ М. ГОРЬКОГО

Т. М. Дюгаева,
кандидат биологических наук

Знакомясь с творчеством М. Горького, поражаешься его огромности и разнообразию. Здесь и проза, и драматургия, и феноменальный эпистолярный (двадцать тысяч писем).

Современники М. Горького оценили масштабы его личности, называя его «Человек-эпоха» (М. Цветаева), «Океанический человек» (Б. Пастернак).

Но Горький современен и в наше время. Всей своей жизнью он показал, чего можно достичь самообразованием, а ведь сейчас условий для самообразования больше, было бы желание.

А его стремление к окультуриванию страны! Разве это не современно!?

В эпоху дикого капитализма М. Горький дает надежду. В доказательство позволю привести цитату из его повести «Детство»: «Не только тем изумительна жизнь наша, что в ней плодovit и жирен пласт всякой скотской дряни, но тем,

что сквозь этот пласт все-таки победно прорастает яркое, здоровое творческое, растет доброе – человечье, возбуждая несокрушимую надежду на возрождение наше к жизни светлой, человеческой».

Ведущий: И сегодня осталось еще множество версий, легенд, домыслов, слухов, правдивых и лживых свидетельств, точных и сомнительных мемуаров о Горьком. Нарастающий поток разнообразнейшей информации, которая продолжает будоражить сознание и привлекает интерес к Горькому, одной из самых величественных, талантливейших фигур русской литературы.

Литература

1. Баранов В. И. Максим Горький подлинный или мнимый / В. И. Баранов. – М. : Просвещение, 2000. – 111 с.
2. Басинский П. В. Страсти по Горькому / П. В. Басинский // Роман-газета. – 2007. – № 1. – 110 с.
3. Басинский П. В. Горький / П. В. Басинский. – М. : Молодая гвардия, 2005. – 451 с.
4. Ваксберг А. И. Гибель Буревестника : [М. Горький: последние двадцать лет] / А. И. Ваксберг. – М. : Терра-Спорт, 1999. – 396 с.
5. Чернявская И. Н. Соловей / И. Н. Чернявская. – Белгород : Константа, 2006. – 180 с.
6. Чернявская И. Н. Таборная песня : стихи / И. Н. Чернявская. – Белгород : Крестьянское дело, 2001. – 96 с.

ЛИТЕРАТУРНО-МУЗЫКАЛЬНЫЕ ВЕЧЕРА: СЦЕНАРИИ

«НАСТАВНИК ЧЕЛОВЕКОВ НА ЗЕМЛЕ» литературно-музыкальная композиция

*Н. М. Медведева, кандидат
филологических наук, доцент
кафедры гуманитарных наук
Белгородского государственного
института культуры и искусств*

Музыкальное сопровождение:

1. Р. Шуман. Фантастические пьесы для кларнета и фортепиано, соч. 78.
2. П. Чайковский Симфония № 6 си минор, соч. 74, «Патетическая»
3. П. Чайковский Симфония № 5, (финал)

Чтец: «... С моря дул влажный, холодный ветер, разнося по степи задумчивую мелодию плеска набегавшей на берег волны и шелеста прибрежных кустов. Изредка его порывы приносили с собой сморщенные желтые листья и бросали их в костер, раздувая пламя; окружавшая нас мгла осенней ночи вздрагивала и, пугливо отодвигаясь, открывала на миг слева – безграничную степь, справа – бесконечное море и прямо против меня – фигуру Макара Чудры, старого цыгана, – он сторожил коней своего табора, раскинутого шагах в пятидесяти от нас. Не обращая внимания на то, что холодные волны ветра, распахнув чекмень, обнажили его волосатую грудь и безжалостно бьют ее, он полулежал в красивой, сильной позе, лицом ко мне, методически потягивая из своей громадной трубки, выпускал изо рта и носа густые клубы дыма и, неподвижно уставив глаза куда-то через мою голову в мертво молчавшую тем-

ноту степи, разговаривал со мною, не умолкая и не делая ни одного движения к защите от резких ударов ветра.

– Так ты ходишь? Это хорошо! Ты славную долю выбрал себе, сокол, так и надо: ходи и смотри, насмотрелся, ляг и умирай – вот и все!...».

(«Макар Чудра»)

1 Ведущий: Когда в 1892 г. в тифлисской газете «Кавказ» появился рассказ «Макар Чудра», его автор был еще никому не известен. Неизвестно было его настоящее имя – Алексей Максимович Пешков, скрытое за странным, «вызывающим» псевдонимом – Максим Горький. И немногие знали, что лишь считанные месяцы отделяют автора от тех дней, когда он вместе с толпами голодных и обездоленных, сам обездоленный и голодный, скитался по дорогам России.

2 Ведущий: Ему предстоял особый путь, не только биографический, но и духовно-философский путь.

1 Ведущий: Но прошли годы, и его имя стало самым известным и любимым.

2 Ведущий: Судьба М.Горького парадоксальна. Долгие годы Горький, как и Маяковский, считался фигурой неприкасаемой, всякое живое слово о нем – если это не было слово высочайшей похвалы, – жестоко каралось. Теперь, когда мы имеем возможность свободно говорить о судьбе Горького, случилась иная беда. Великий писатель попал в разряд бездарных политических деятелей времени Октябрьской революции и эпохи сталинизма. Горького отчаянно и комично пытаются свергнуть. Но он неуничтожим. Казалось, что сокрушить этого сталинского идола ничего не стоит, легкий порыв свежего ветра, и гнилое древо рухнет само. Но идол как стоял, так и стоит, отбрасывая тень, во всяком случае, накрывшую век XX. Мрачный, такой непонятный памятник...

Можно по косточкам разобрать все им написанное и доказать, как сделал Бунин, что это «плохая литература», можно ехидствовать по поводу его начитанности и сентиментально-

сти; можно к месту и ни к месту поминать и Соловки, и Беломорканал, и Союз писателей, – все это будет мимо Горького.

1 Ведущий: Судить Горького, поправлять его – дело нехитрое. Гораздо труднее понять подлинный масштаб этой личности, а заодно оценить великое мужество человека, который, разумеется, не мог не понять весь трагизм своего положения. Но ни разу не свернул с дороги, не спрятался, оставаясь всю жизнь центральной фигурой эпохи. Еще в 1899 г. молодой Горький в письме к Чехову неуклюже сравнивал себя с паровозом, который мчится в неизвестность: «Но рельс под мною нет... впереди ждет меня крушение... Момент, когда я заруюсь носом в землю, еще не близок, да если б он хоть завтра наступил, мне все равно, ничего не боюсь и ни на что не жалуясь».

2 Ведущий: Горький очень рано узнал людей и еще в молодости начал выдумывать Человека, чтобы насытить жажду красоты. «...Взглянет он тебе в очи и полонит душу твою, и ничуть тебе это не стыдно, а еще и гордо для тебя. С таким человеком ты и сам лучше становишься».

1 Ведущий: Мудрые люди – неутомимые творцы ошибок – убедили его, что он плохо выдумал утешение себе. Тогда Горький снова пошел к людям.

2 Ведущий: Рядом с нами, за нами, впереди нас люди, люди, люди... Горемыка Павел и старуха Изергиль, Мальва и Коновалов, Шакро и Пролетов, Кирилка и Финоген Ильич, Фома Гордеев и Павел Грачев... одни из них пристально рассматривают нас, другие загадочно усмеваются, третьи зовут куда-то.

Чтец: «Как удивительно интересны люди! Даже когда человек неинтересен для всех, – он возбуждает меня. Мне хочется заглянуть в него, как в коробочку, – вдруг там хранится что-то никому не заметное, никогда не показанное, только я одна, и я первая, увижу это».

(«О первой любви»)

Чтец: «Смешные они, те твои люди. Сбились в кучу и давят друг друга, а места на земле вон сколько... И все работает. Зачем? Кому? Никто не знает. Видишь, как человек пашет, и думаешь: вот он по капле с потом силы свои источит на землю, а потом ляжет в нее и сгинет в ней. Ничего по нем не останется, ничего он не видит своего поля и умирает, как родился, – дураком. Что ж, – он родился затем, что ли, чтоб поковырять землю да и умереть, не успев даже могилы самому себе выкопать? Ведомо ему воля? Ширь степная понятна? Говор морской волны веселит ему сердце? Он раб – как только родился, всю жизнь раб, и все тут! Что он с собой может сделать? Только удавиться, коли поумнеет немного».

(«Макар Чудра»)

Чтец: «Я обыватель – и больше ничего-с! вот мой план жизни. Мне нравится быть обывателем... Я буду жить, как я хочу! И, наконец, наплевать мне на ваши рассказы... призывы... идеи!».

(«Дачники»)

Чтец: «Мы не умеем быть нужными для жизни людьми. И мне кажется, что скоро, завтра, придут какие-то другие, сильные, смелые люди и сметут нас с земли, как сор».

(«Дачники»)

Чтец: «Жизнь? Иные люди? ... а тебе что до этого? Разве ты сам не жизнь? Другие люди живут без тебя и проживут без тебя. Разве ты думаешь, что ты кому-то нужен? Ты не хлеб, не палка, и не нужно тебя никому!».

(«Макар Чудра»)

Чтец: «Учиться и учить, говоришь ты? А ты можешь научить сделать людей счастливыми?... нет, не можешь. Ты поседей сначала, да и говори, что надо учить. Чему учить? Всякий знает, что ему нужно. Которые умнее, те берут что есть, которые поглупее – те ничего не получают, и всякий сам учится».

(«Макар Чудра»)

Чтец: «Я устал быть серьезным ... Я не хочу философии – сыт. Дайте мне пожить растительной жизнью, укрепить нервы... Я хочу гулять, ухаживать за дамами».

(«Дачники»)

Чтец: «Ишь как нахламили везде... только хлам да сорье останется после вас... только землю портите».

(«Дачники»)

1 Ведущий: Пожалуй, как никто из русских писателей, Горький очень рано столкнулся с несовершенством человеческой природы в самом низком смысле. Но босяки и выламывающиеся из своего класса персонажи привлекают внимание Горького, несмотря на то, что очень далеки они от Человека.

Чтец: «Права! Вот они права! Никто не имеет права покупать свое счастье ценой жизни другого человека. Да это в книжках сказано дельно, но только ради совести, а на самом деле тот самый барин, что первый такие слова придумал, кабы ему туго пришлось, наверняка бы при удобном случае, для сохранности своей, кого-нибудь обездушил. Права! Вот они права!».

(«Емельян Пиляй»)

Чтец: «Надо кому-нибудь и добрым быть ... жалеть людей надо! Христос – от всех жалел и нам так велел... я те скажу – вовремя человека пожалеть ... хорошо бывает!»

(«На дне»)

Чтец: «Какую там я могу иметь в себе жалость, ежели на моих глазах всегда людей били... и вижу я, человек дешевле скота ценится? Таки все мы... Хоть бы разгореться ярче!».

(«Коновалов»)

Чтец: «Однажды, на базаре, полицейский избил благообразного старика, одноглазого еврея за то, что еврей будто бы украл у торговца пучок хрена. Я встретил старика на улице; вываленный в пыли, он шел медленно, с какой-то картинной торжественностью, его большой черный глаз строго смотрел на пустое знойное небо, а из разбитого рта по белой длинной

бороде тонкими струйками текла кровь, окрашивая серебро волос в яркий пурпур. Тридцать лет тому назад было это, и я вот сейчас вижу перед собой этот взгляд, устремленный в небо с безмолвным упреком, вижу, как дрожат на лице старика серебряные иглы бровей. Не забываются оскорбления, нанесенные человеку, и – да не забудутся!».

(«О первой любви»)

Чтец: «Рази мне чего надо? Рази ты думаешь, человеком считают нищего-то? Никто! Десять лет по миру хожу – знаю. Кусок-то хлеба в тыщу рублей ценят. Подаст да и думает, что уж ему сейчас райские двери отворят. Ты думаешь, подают зачем больше? Чтоб совесть свою успокоить, а не из жалости. Ткнет тебе кусок, ну, ему и не стыдно самому-то есть. Сытый человек – зверь! И никогда он не жалеет голодного. Враги друг другу – сытый и голодный, веки вечные они сучком в глазу друг друга будут. Потому и невозможно им жалеть и понимать друг друга».

(«Дед Архип и Ленька»)

Чтец: «Вы тысячу раз правы... Это еще зверь, варвар. Его сознательное желание быть сытым».

(«Дачники»)

Чтец: «Работать? Для чего? Чтобы быть сытым? Я всегда презирал людей, которые заботятся о том, чтобы быть сытыми. Не в этом дело, Барон! Не в этом дело! Человек – выше! Человек – выше сытости!».

(«На дне»)

Чтец: «А все – люди! Как ни притворяйся, как ни вихляйся, а человеком родился, человеком и помрешь... И все, гляжу я, умнее люди становятся, все занятнее... и хоть живут – все хуже, а хотят – все лучше... упрямые!».

(«На дне»)

2 Ведущий: «В наши дни ужасно много людей, но нет человека», – вот вывод молодого Горького.

1 Ведущий: Этот конфликт двух начал в сознании Горького, видимо, и породил тот особый дух его романтической философии, в которой человек, как идеальное существо, не только не совпадал с человеком, как реальным существом, но и вступал с ним в трагическую схватку.

2 Ведущий: Это что-то напоминает? Конечно. Древний рассказ о философе Диогене Синопском, что среди белого дня бродил с фонарем, заявляя: «Ищу человека!».

1 Ведущий: Безграничная вера в человека несла в себе серьезное противоречие, ибо жизнь развивалась совсем по другим законам. Настоящей катастрофой для Горького оказалась мировая война. Это вопиющий пример коллективного безумия, когда святое имя Человек было низведено до «окопной вши», «пушечного мяса», когда толпа зверела на глазах, когда разум человеческий показал полное бессилие перед событиями.

Чтец: «Несколько десятков миллионов людей, здоровых и наиболее трудоспособных, оторваны от великого дела жизни – и посланы убивать друг друга. Зарывшись в землю, они живут под дождем и снегом, в тесноте, изнуряемые болезнями, пожираемые паразитами, живут как звери, подстерегая друг друга для того, чтобы убить».

(«Несвоевременные мысли»)

Чтец: «На войне необходимо как можно больше убивать людей – такова логика войны. Зверство в драке неизбежно, вы видели, как жестоко дерутся дети на улицах?».

(«Несвоевременные мысли»)

Чтец: «Зверство есть нечто вообще свойственное людям, свойство не чуждое им даже в мирное время – если такое существует на земле».

(«Несвоевременные мысли»)

Чтец: «Когда подумаешь об этом – холодное отчаяние сжимает сердце, и хочется бешено крикнуть людям: Несчастные, пожалейте себя!».

(«Несвоевременные мысли»)

2 Ведущий: Революция подтвердила худшие опасения Горького. В отличие от Блока он услышал в революционной буре не «музыку», а страшный рев разбуженной стомиллионной народной стихии, вырвавшейся наружу через все социальные запреты и грозившей потопить жалкие островки культуры.

Чтец: «Мы живем в буре политических эмоций, в хаосе борьбы за власть, это борьба возбуждает рядом с хорошими чувствами весьма темные инстинкты».

(«Несвоевременные мысли»)

Чтец: «Чего вы хотите? Это социальная революция!»

(«Несвоевременные мысли»)

Чтец: «Нет, – в этом взрыве зоологических инстинктов я не вижу ярко выраженных элементов социальной революции. Это русский бунт».

(«Несвоевременные мысли»)

Чтец: «Революция разрушила преграды на путях к свободному творчеству, и теперь в нашей воле показать самим себе и миру наши дарования, таланты, наш гений. Наше спасение – в труде, да найдем мы и наслаждение в труде. «Мир создан не словом, а деянием», – это прекрасно сказано, и это неоспоримая истина».

(«Несвоевременные мысли»)

Чтец: «Половина сердца – любит, половина ненавидит, разве ж это сердце, а?... Двоится человек. – Ты бы только любить хотел, а как это можно?».

(«Мать»)

Чтец: «Что вы сделали? Не жизнь вы сделали – тюрьму. Не порядок вы устроили – цепи на человека выковали. Душно, тесно, повернуться негде живой душе... Погибает человек».

(«Фома Гордеев»)

Чтец: «Главное, нет человека, в пустыне, увы, не безлюдной».

(«Несвоевременные мысли»)

1 Ведущий: Горький вновь возвратился к Человеку, но к сверхчеловеку: гордому, свободному. Вопреки утверждению Л. Толстого: «Герои – ложь, выдумка, есть просто люди, люди и – больше ничего», Горький знал, что в жизни есть и герои, должны быть. «Он думал... о стране, в которой были герои и подвиги, и о печальном времени, бедном сильными людьми, жалком времени мизерных людей с мертворожденными сердцами».

Чтец: «Разве вы пользуетесь только своим? Я вижу, что каждый человек имеет только речь, руки и ноги... а владеет он животными, женщинами, землей... и многим еще... Ему сказали на это, что за все, что человек берет, он платит собой: своим умом и силой, иногда – жизнью. А он отвечал, что он хочет сохранить себя целым. ...Он считает себя первым на земле и, кроме себя, не видит ничего. Всем даже страшно стало, когда поняли, на какое одиночество он обрекал себя. У него не было ни племени, ни матери, ни скота, ни жены, и он не хотел всего этого. ...И вот он ходит, ходит повсюду... Видишь, он стал уже как тень и таким будет вечно! Он не понимает ни речи людей, ни их поступков – ничего. И все ищет, ходит, ходит... ему нет жизни, и смерть не улыбается ему. И нет ему места среди людей».

(«Старуха Изергиль»)

Чтец: «Что сделаю я для людей!? – сильнее грома крикнул Данко. И вдруг он разорвал руками себе грудь и вырвал из нее свое сердце и высоко поднял его над головой. Оно пылало так ярко, как солнце, и ярче солнца, и весь лес замолчал, освещенный этим факелом великой любви к людям, а тьма разлеталась от света его и там, глубоко в лесу, дрожащая, пала в гнилой зев болота. Люди же, изумленные, стали как камни...»

... И вот вдруг лес расступился передним, расступился и остался сзади, плотный и немой, а Данко и все те люди сразу окунулись в море солнечного света и чистого воздуха, про-

мытого дождем. Гроза была – там, сзади них, над лесом, а тут сияло солнце, вздыхала степь, блестела трава в брильянтах дождя и золотом сверкала река... Был вечер, и от лучей заката река казалось красной, как та кровь, что била горячей струей из разорванной груди Данко. Кинул взор перед собой на ширь степи гордый смельчак Данко, – кинул он радостный взор на свободную землю и засмеялся гордо. А потом упал и – умер. Люди же, радостные и полные надежд, не заметили смерти его и не видали, что еще пылает рядом с трупом Данко его смелое сердце. Только один осторожный человек заметил это и, боясь чего-то, наступил на гордое сердце ногой... И вот оно, рассыпавшись в искры, угасло».

(«Старуха Изергиль»)

2 Ведущий: Несмотря ни на какие изгибы, вызванные усталостью, единственная тенденция остается неизменной в творчестве Горького, тенденция к человеку, сложнейшему из всех сложнейших явлений.

1 Ведущий: «Я не знаю ничего лучше, сложнее, интереснее человека. Он – все. Он создал даже Бога», – писал Горький в письме к И. Репину.

Чтец: «Прочь с таким Богом! Лучше без Бога! Лучше на свой риск и страх устраивать судьбу!».

(«Детство»)

Чтец: «Я не верю, что где-то вне человека существует сила, которая может перерождать его. Или она в нем, или ее нет!».

(«Дачники»)

Чтец: «Человек может верить и не верить... это его дело! Человек – свободен... он за все платит сам: за веру, за неверие, за любовь, за ум человек за все платит сам, и потому он – свободен!.. Человек – вот правда! Что такое человек? ... это не ты, не я, не они ... нет! – это ты, я, они, старик, Наполеон, Магомет ... в одном! *(очерчивает пальцем в воздухе фигуру человека.)* Понимаешь? Это – огромно! В этом все начала и

концы... Все – в человеке, все для человека! Существует только человек, все же остальное – дело его рук и его мозга! Чело-век! Это – великолепно! Это звучит... гордо! Че-ло-век! Надо уважать человека! Не жалеть ... не унижать его жалостью... уважать надо! ... Как хорошо это ... чувствовать себя человеком!».

(«На дне»)

2 Ведущий: Любимой книгой Максима Горького была книга Иова. Он всегда читал ее с величайшим волнением, а особенно 40-ю главу, где Бог поучает человека, как ему быть богоравным и как спокойно встать рядом с Богом.

1 Ведущий: Горький считал, что даже великая книга только черная мертвая тень слова и намек на истину, а вот человек- это вместилище Бога живого и если человек поверит, он откроет в себе Бога, создаст все.

2 Ведущий: Вот желанная система мысли, которая возвращает человека в центр процесса жизни. Ведь именно о созидании, о светлых человеческих отношениях и мечтал Горький. Он всегда поклонялся людям «с живым Богом в душе», «страсти в исканиях Божества», связывал с ней обновление жизни.

1 Ведущий: Пройдут годы... и наступит точно такой же вечер, но уже без нас. Другие, еще не вошедшие, еще не родившиеся, заполнят ваши места в этом зале...

2 Ведущий: ...и оглянувшись назад на наш век с его незатухающим заревом великих битв, эпохальных сражений и бивачных костров на пути в землю обетованную, они среди прочих исполинских теней, на фоне пламенеющего неба, различат характерную сутуловатую фигуру Максима Горького... Из-под козырька прижатой ко лбу ладони, с той же неповторимой, чуть иронической ободрительной улыбкой он будет испытующе всматриваться вслед им, все вперед и дальше уходящим поколениям, в которые он так верил – трибун, поэт, бунтарь, отец и наставник Человеков на земле.

Все чтецы и ведущие по очереди встают, читают свои слова и подходят к краю сцены, выстраиваются в одну линию.

1 Чтец: «...В часы усталости духа, – когда память оживляет тени прошлого и от них на сердце веет холодом, когда мысль, как бесстрастное солнце осени, освещает грозный хаос настоящего и зловеще кружится над хаосом дня, бес- сильная подняться выше, лететь вперед, – в тяжелые часы усталости духа я вызываю перед собой величественный образ человека».

(«Человек»)

2 Чтец: «...Человек! Точно солнце рождается в груди моей, и в ярком свете его медленно шествует вперед! И выше! – трагически прекрасный Человек!».

(«Человек»)

3 Чтец: «Я вижу его гордое чело и смелые, глубокие глаза, а в них лучи бесстрашной мысли, той величавой, силы, которая в момент утомления – творит богов, в эпоху бодрости – их низвергает».

(«Человек»)

4 Чтец: «Затерянный среди пустынь вселенной, один на маленьком куске земли, несущемся с неуловимой быстротой куда-то в глубь безмерного пространства, терзаемый мучительным вопросом – зачем он существует? – он мужественно движется – вперед! И выше! – по пути к победам над всеми тайнами земли и неба».

(«Человек»)

5 Чтец: «Я – в будущем – пожар во тьме вселенной!»

(«Человек»)

6 Чтец: «И призван я, чтоб осветить весь мир, расплавить тьму его загадок тайных, найти гармонию между собой и миром, в себе самом гармонию создать и, озарив весь мрачный хаос жизни на этой исстрадавшейся земле, покрытой как на-

кожною болезнью, корой несчастий, скорби, горя, злобы, – всю злую грязь с нее смести в могилу прошлого».

(«Человек»)

7 Чтец: «Я призван для того, чтобы распутать узлы всех заблуждений и ошибок, связавшие запуганных людей в кровавый и противный ком животных взаимно пожирающих друг друга».

(«Человек»)

8 Чтец: «Я создан мыслию затем, чтоб опрокинуть, разрушить, растоптать все старое, все темное и грязное, все злое, – и новое создать на выкованных мыслью незыблемых устоях свободы, красоты и уважения к людям!».

(«Человек»)

9 Чтец: «Непримиримый враг позорной нищеты людских желаний, хочу, чтоб каждый из людей был Человеком!».

(«Человек»)

Литература

1. Басинский П. В. Страсти по Горькому / П. В. Басинский // Роман-газета. – 2007. – № 1. – 110 с.

2. Овчаренко А. И. М. Горький и литературные искания XX столетия / А. И. Овчаренко. – М. : Советский писатель, 1982. – 590 с.

ПЕВЕЦ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ КРАСОТЫ театрализованный литературно-музыкальный вечер

Л. К. Казимилова,

кандидат педагогических наук

О. С. Иващенко,

главный библиотекарь

отдела абонемента БГУНБ

На экран на сцене проецируется портрет молодого М. Горького. Стоят стол и стул.

Выходят ведущие.

1 Ведущий: Добрый день, уважаемые зрители.

2 Ведущий: 28 марта Россия отмечала 140 лет со дня рождения великого писателя XX века Максима Горького.

1 Ведущий: Сегодня мы открываем цикл юбилейных Горьковских вечеров литературно-музыкальной композицией «Певец человеческой красоты».

Звучит громко музыка, затем немного тише.

Выходит 1 чтец, выступающий в роли М. Горького.

1 Чтец: *(В руках книга, читает)* «1892 год. Редакция тифлисской газеты «Кавказ». Редактор, худощавый старик в золотых очках внимательно читает только что принесенный рассказ «Макар Чудра».

– Так... – сказал редактор, кончив чтение, с удивлением оглядел несколько нескладную фигуру автора. – Так, – повторил он, задумавшись. – Однако тут нет подписи. Нужно подписаться. Как подписать? Кто вы?

Кто он? Автор подумал, хотел что-то сказать, потом колебался и, наконец, махнув рукой, сказал с решительным видом:

– Хорошо, подпишите так: Горький ... Максим Горький...».

(«Мои Университеты»)

Чтец отходит в сторону, или садится за столик.

Музыка звучит громче. Затем затихает.

Текст звучит на фоне музыки.

1 Ведущий: Горький... было что-то тревожащее и притягательное в доходивших до нас отрывках биографии этого нового писателя, в самом облике.

2 Ведущий: «Во всей его фигуре сухощавой и стройной, несмотря на легкую сутуловатость, в небольшой, хорошо посаженной голове с крутым крылом падающих на висок каштановых волос, в кристальном взгляде серо-синих глаз, опущенных длинными ресницами чувствовалась та целеустремленность и сдержанная сила, что придает каждому движению головы значительность, достоинство и изящество...», – вспоминал Самуил Яковлевич Маршак.

1 Ведущий: Горький... Имя это говорило о горькой судьбе, родственной многим судьбам на Руси. В то же время оно звучало как протест, как вызов, как обещание говорить горькую правду.

Музыка затихает.

2 Ведущий: Эту горькую правду в своем творчестве Горький, наполняя богатым содержанием, часто передавал через музыкальную стихию, называя свое творчество песней. «Писать – это значит петь», – говорил Алексей Максимович.

1 Чтец:

Не браните вы музу мою,
Я другой и не знал, и не знаю,
Не минувшему песнь я слагаю,
А грядущему гимны пою.

В незатейливой песне моей
Я пою о стремлении к свету,
Отнеситесь по-дружески к ней
И ко мне, самоучке-поэту.

Пусть порой моя песнь прозвучит
Тихой грустью, тоскою глубокой;
Может быть, вашу душу смягчит
Стон и ропот души одинокой.

Не встречайте же музу мою
Невнимательно и безучастно;
В этой жизни, больной и несчастной,
Я грядущему гимны пою.

(М. Горький)

1 Ведущий: Любовь к музыке великого писателя прошла через всю его биографию.

2 Ведущий: Музыка окружала Горького еще в раннем детстве. Это была народная песня.

1 Ведущий: Корни его любви, близость к русской народной песне, поразительная способность слышать сердце народной песни лежат в незабываемых детских впечатлениях, в песнях бабушки Кашириной.

2 Ведущий: Акулина Ивановна была родом из балахнинских кружевниц, издавна славившихся песнями. Но пела она лучше всех. Слава о ней долетела даже до самого Петербурга, откуда приехал ее слушать композитор Турчанинов.

1 Ведущий: В праздничные вечера Алексею Максимовичу довелось услышать много разнообразных русских народных песен, городских и цыганских романсов.

2 Ведущий: Русские песни и романсы исполняет ...

1 Ведущий: Концертмейстер ...

На сцену выходит гитарист в костюме современника М. Горького. Гитарист садится на стул. Вместе с ним выходит чтец и по ходу движения читает на фоне тихо звучащей гитары.

2 Чтец: «В одаренном роде Кашириных разнообразно сказывались музыкальные способности. Яков Каширин, дядя Горького, был даровитым гитаристом.

Дядя Яков любовно настраивал гитару, а, настроив, всегда говорил одни и те же слова: «Ну-с, я начну-с!».

Встряхнув кудрями, он сгибался над гитарой, вытягивал шею, точно гусь; круглое, беззаботное лицо его становилось сонным; живые, неуловимые глаза угасали в масляном тумане, и, тихонько пощипывая струны, он играл что-то размытое, невольно поднимавшее на ноги.

Его музыка требовала напряженной тишины; торопливым ручьем она бежала откуда-то издали, просачивалась сквозь пол и стены и, волнуя сердце, выманивала непонятное чувство, грустное и беспокойное. Под эту музыку становилось жалко всех и себя самого».

(«Детство»)

Соло гитары, громко звучит цыганочка. Затем мелодия затихает. Продолжается чтение под тихо звучащую мелодию.

2 Чтец: «Все сидели неподвижно, притаясь в задумчивом молчании, все застывали, очарованные; только самовар тихо поет, не мешая слушать жалобу гитары. Бабушка слушала, вздыхая. Алеша сидел зачарованный, а когда песня становилась уж очень грустной, буйно плакал в невыразимой тоске. А Цыганок, слушая музыку, запускал пальцы в свои черные космы и иногда неожиданно и жалобно восклицал:

– Эх, кабы голос мне, – пел бы я как, господи!

Но, бывало, дядя Яков вдруг оборвет свою музыку, ударит по струнам и закричит:

– Прочь, грусть-тоска! Ванька становись!

Охорашиваясь, одергивая желтую рубаху, Цыганок осторожно, точно по гвоздям шагая, выходил на середину кухни; его смуглые щеки краснели, сконфуженно улыбаясь, он просил:

– Только почаше, Яков Васильич!

Бешено звенела гитара, дробно стучали каблуки, на столе и в шкафу дребезжала посуда, а среди кухни огнем пылал

Цыганок, реял коршуном, размахнув руки, точно крылья, незаметно передвигая ноги; гикнув, приседал на пол и метался золотым стрижом, освещая все вокруг блеском шелка, а шелк, содрогаясь и струясь, словно горел и плавился».

(«Детство»)

Возможно исполнение цыганского танца под гитару.

2 Чтец: «Цыганок плясал неумоимо, самозабвенно, и казалось, что, если открыть дверь на волю, он так и пойдет по улице, по городу, неизвестно куда...».

(«Детство»)

1 Ведущий: Привольная жизнь Алеши с бабушкой превралась неожиданно. Однажды дед пришел из города и торжественно сказал:

– Ну, шалыган, завтра собирайся на место! К Егоровне, в иконописную мастерскую.

2 Ведущий: Дальнейшая жизнь Алеши очень пестра и сложна: торговал иконами, служил сторожем, был крендельщиком, булочником, это была бесконечная работа под градом попреков и жалоб. Иногда ему думалось, что надо убежать. Но была одна радость. Тихими поздними вечерами ему нравилось ходить по городу, из улицы в улицу.

Выходит скрипач.

Чтение на фоне тихо звучащей скрипки.

1 Чтец: «Однажды Алеша наткнулся на одноэтажный приземистый дом. Из квадратной форточки окна вместе с теплым паром струился на улицу необыкновенный звук, точно кто-то, очень сильный и добрый, пел, закрыв рот; слов не слышно было, но песня показалась ему удивительно знакомой и понятной. Алеша сел на тумбу, сообразив, что это играют на какой-то скрипке чудесной мощности и невыносимой, потому что слушать ее было почти больно. Иногда она пела с такой силой, что, казалось, весь дом дрожит. Капало с крыш, из глаз у Алеши тоже закапали слезы. Незаметно подошел ночной сторож и столкнул его с тумбы, спрашивая:

– Ты чего тут торчишь?
– Музыка, – объяснил Алеша...».

(«В людях»)

Соло. Громко звучит скрипичная мелодия.

1 Ведущий: Не забыть того душевного потрясения, что вызвала у Алеша неожиданно первая «встреча» со скрипкой, с ее изумительным звучанием.

Почти каждую субботу бегал Алексей к этому дому в тщетной надежде еще хоть раз услышать этот инструмент.

2 Ведущий: Цена этой радости была немалая – мальчика по возвращении домой жестоко отколотили. Тяжела была жизнь «в людях»! Только и радости – музыка.

1 Ведущий: В 1890 году Горький ушел путешествовать. Шел из Нижнего до Царицына через Украину. В Бессарабию Алеша попал к сбору винограда. Молдаване, с которыми он работал, были на редкость людьми красивыми, гордыми, свободными. О встречах с ними и о своих путешествиях он напишет в своих ранних произведениях «Макар Чудра», «Старуха Изергиль». Музыка в этих произведениях усиливает подъем чувств, эмоциональное звучание, яркость красок.

2 Ведущий: Громом гремит вольная, живая песня, и само солнце того и гляди, затанцует по небу под ту песню!..

Отрывок из фильма «Табор уходит в небо».

1 Ведущий: Новая эра жизни будущего писателя началась с момента его отъезда в Казань. Шестнадцатилетний Алеша Пешков приехал туда с твердым намерением поступить в Казанский университет.

Наивные мечты!.. В первую очередь надо было подумать о том, чтобы не умереть с голоду.

2 Ведущий: Но и здесь, в этой столь неблагоприятной обстановке, он верил – уже тогда, в ранней юности, – что музыка способна преобразить человека, пробудить в самых грубых, порой даже безжалостных друг к другу людях добрые чувства.

1 Ведущий: Хорошая музыка способна была заставить Алексея Максимовича забыть обо всем на свете и обо всех – о себе в том числе. Убедительное подтверждение этого – его автобиографический рассказ «Музыка». Горький, арестованный по подозрению в укрывательстве бывшего ссыльного, был вызван на допрос в жандармерию.

2 Ведущий: «...Я сижу в кабинете жандармского полковника, в маленькой комнате, сумрачной и тесной...». С этого начинается рассказ «Музыка». Долго тянется томительный допрос.

Арестованного на время оставляют в кабинете одного. Через неплотно притворенную дверь глухо доносятся звуки музыки. ...Где-то в доме играют на рояле.

Чтение отрывка из рассказа «Музыка» на фоне тихо звучащей музыки.

1 Чтец: «Было нестерпимо скучно, музыка звала ближе к себе; я встал, подошел к двери и выглянул в светлую, полную солнца комнату.

За открытым окном празднично шумит весенний день; узорные тени деревьев лежат на подоконнике и на полу. Против меня – маленькая дверь; за нею слышны звон шпор, мужские голоса, треск разрываемой бумаги, – это мешает слушать музыку; играют в комнате налево. Музыка уводит от действительности, я забыл, где нахожусь, – приподнял ковер и очутился в небольшой гостиной, здесь было очень хорошо слышно, и я видел сквозь листья цветов музыкантшу, она сидела спиной ко мне, – очень тонкая, с голой шеей, в каком-то восточном халате из шелка, пестром и легком. Голова у нее была маленькая, в кудрявых, темных волосах Она играла без нот, негромко, медленно, как бы вспоминая забытое. Ее тонкие пальцы перебирали клавиши басов неуверенно, правая рука суетливо бегала по среднему регистру, и я долго следил за трепетом ее рук.

Звучит только музыка.

А клавиши точно смеются. Сначала мелодия пьесы была неуволима; альты и тенора звучали бессвязно, тяжелые вздохи басов говорили о чем-то настойчиво и строго, а в общем это напоминало картину осени: по скошенным лугам, по жухлой траве течет сырой, холодный ветер, зябко трепещет лес под его натиском, роняя на землю последние золотые листья. Вдали уныло поет колокол невидимой церкви.

Потом среди поля явился человек с открытой головою: высоко подняв руки, он бежит и все оглядывается назад. Глухой, темный гул сопровождает его, а дали становятся все шире, все глубже, и, умаяясь пред ними, он исчезает с земли.

Музыка затихает.

Женщина перестала играть и сидит неподвижно, опустив руки, – она сидит так очень долго.

Я смотрю на нее сквозь цветы, ни о чем не думая, в груди все еще звучит красивое эхо; я помню только одно: не надо шевелиться.

Потом правая рука ее, медленно и как бы неохотно, снова легла на клавиши, и снова меня обнимают торжественные аккорды. Я слушаю их, закрыв глаза. Мне кажется, что большая толпа людей стройно и единодушно молит со слезами гнева и отчаяния. Это очень тяжелая, мощная пьеса, и странно, что такая маленькая женщина может так сильно играть.

И эта пьеса совершенно лишила меня сознания действительности...».

Окончание музыкальной пьесы.

Ведущий: Инструментальная музыка, так же, как и песни, теснейшим образом связана с содержанием произведений писателя, вторгаясь порой и в развитие сюжетной канвы. Поют ли его персонажи или играют на различных инструментах, – Горький с таким поразительным пониманием музыки вводит нас в этот увлекательный мир, что кажется, не описание – сама музыка оживает в его строчках.

На сцену выходят две девушки, исполняют роли Пелагеи Ниловны и Софьи из романа «Мать» М. Горького. Звучит отрывок из романа «Мать».

Софья: Я поиграю. Вы как, Пелагея Ниловна, можете потерпеть немного музыки?

Вот слушайте. Это – Григ. Я сегодня привезла...

Пелагея Ниловна: Она открыла ноты, не сильно ударила по клавишам левой рукой. Сочно и густо запели струны. Вздохнув глубоко, к ним прилилась еще нота, богатая звуком. Из-под пальцев правой руки, светло звеня, тревожной стаей полетели странно прозрачные крики струн и закачались, забились, как испуганные птицы, па темном фоне низких нот.

Сначала мать не трогали эти звуки, в их течении она слышала только звенящий хаос. Слух ее не мог поймать мелодии в сложном трепете массы нот. Музыка наполняла комнату все теснее и незаметно для матери будила ее сердце.

И почему-то пред ней вставала из темной ямы прошлого одна обида, давно забытая, но воскресшая теперь с горькой ясностью. Однажды покойник муж пришел домой поздно ночью, сильно пьяный, схватил ее за руку, сбросил с постели на пол, ударил в бок ногой и сказал:

– Ступай вон, сволочь, надоела ты мне!

Она, чтобы защитит себя от его ударов, быстро взяла на руки двухлетнего сына и, стоя на коленях, прикрылась его телом, как щитом. Он плакал, бился у нее в руках, испуганный, голенький и теплый.

– Ступай! – ревел Михаил.

Она вскочила на ноги, бросилась в кухню, накинула на плечи кофту, закутала ребенка в шаль и молча, без криков и жалоб, босая, в одной рубашке и кофте сверх нее, пошла по улице. Был май, ночь была свежа, пыль улицы холодно приставала к ногам, набиваясь между пальцами. Ребенок плакал, бился. Она раскрыла грудь, прижала сына к телу и, гонимая страхом, шла по улице, шла, тихонько баюкая.

А уже светало, ей было боязно и стыдно ждать, что кто-нибудь выйдет на улицу, увидит ее, полунагую. Она сошла к болоту и села на землю под тесной группой молодых осин. И так сидела долго, объятая ночью, неподвижно глядя во тьму широко раскрытыми глазами, и боязливо пела, баюкая уснувшего ребенка и обиженное сердце свое...

В одну из минут, проведенных ею там, над головой ее мелькнула, улетающая вдаль, какая-то черная, тихая птица – она разбудила ее, подняла. Дрожа от холода, она пошла домой, навстречу привычному ужасу побоев и новых обид...

Последний раз вздохнул гулкий аккорд, безразличный, холодный, вздохнул и замер.

Софья: Вам не мешает мой шум, нет?

Пелагея Ниловна: Вы меня не спрашивайте, я ничего не понимаю. Сажу, слушаю, думаю про себя...

Софья: Нет, – вы должны понимать! Женщина не может не понять музыку, особенно если ей грустно...

Пелагея Ниловна: Она сильно ударила по клавишам, и раздался громкий крик, точно кто-то услышал ужасную для себя весть, – она ударила его в сердце и вырвала этот потрясающий звук. Испуганно затрепетали молодые голоса и бросились куда-то торопливо, растерянно; снова закричал громкий, гневный голос, все заглушая. Должно быть – случилось несчастье, но вызвало к жизни не жалобы, а гнев. Потом явился кто-то ласковый и сильный и запел простую красивую песню, уговаривая, призывая за собой, сердце матери налилось желанием сказать что-то хорошее этим людям. Она улыбалась, охмеленная музыкой, чувствуя себя способной сделать что-то нужное для брата и сестры.

1 Ведущий: Значительную роль играют песни и музыка в драматургии некоторых произведений Горького. Его сказка «О маленькой Фее и молодом Чабане» вся соткана из песен.

Звучит музыка к хореографической композиции по сказке М. Горького «О маленькой Фее и молодом Чабане».

Чтец: У людей очень много грустных сказок; промолчим на вопрос, почему это так, и послушаем одну из них, новую сказку на старую тему. Над Дунаем есть лес, старый, мощный лес! И жила в том лесу старая царица фей и четыре ее дочери; а из них самая меньшая – Майя, была самой веселой, красивой и смелой.

Майя: Мой старый, добрый, чудный лес!

Ты тайны, и ты мир чудес!

Купаясь в запахе густом

Тобой взлелеянных цветов,

Веселых пташек дивный хор

Тебе хвалы поет!..

Под каждой веткой и листком

Живут букашки, мотыльки...

А меж корнями в мраке нор

Живет суровый крот;

И робкий кролик, и лиса,

И желтый уж, и острый еж,

И резвый эльф, и мудрый гном

В тебе нашли приют!

О лес! ... всех птичек голоса,

Пускай хоть век они звенят –

За ночью ночь и день за днем –

Тебя не воспоют,

Мой старый, чудный, мощный лес!

Автор: И вдруг до ее слуха донеслась другая, звонкая и смелая песня.

Это была песня молодого Чабана.

Чабан: Терять минуты не годится

Тому, кто хочет много жить,

Кто хочет жизнью насладиться!

Тому, кто хочет счастлив быть,

Терять минуты не годится.

О, иди! Я тебя страстно жду!

Поскорей!.. Для тебя я в груди
Много песен веселых найду...
О, иди! Поскорее иди!..

Майя: Вот я! Вот я! Вырвали меня из леса твои песни, и из моего сердца вырвали они все, что в нем было до той поры, пока я не услышала их, вырвали и породили там что-то новое и сильное, и вот я бросила лес, и мать и все... и пришла к тебе!

Чабан: Ну что ж! Вот и славно!.. Теперь ты свободна, и смотри-ка: вот она, степь, нет у ней края, и вся она – твоя! И я твой, коли это нужно, а ты – это я! Мы будем жить, как птицы; я буду петь тебе свои песни, а ты мне – свои, и обоим нам будет так хорошо, как никому никогда не бывало! И забудь ты то, что осталось там, позади тебя, и будь моей милой.

Автор: Так вот и жили они. Хорошо им жилось!.. Но однажды гроза собралась. Ветер странным порывом промчался над степью в сторону моря, он мчался и выл что-то грозно и дико.

Майя: Я боюсь теперь! Уйдем в лес!

Чабан: От грозы-то уйти! Вот уж сказала! Коли ты не хочешь ее, иди к ней навстречу, – так она скорее минует тебя. Гроза!! Что ж такое? Будь тверда, вот и все!

Автор: Он с улыбкой смотрел на тучи, любуясь их мрачной красотой и силой, и в его черных глазах горел огонь зависти им, огонь такой же яркий, как сами молнии. Он забыл о Майе, и о себе, и о степи...Ему самому хотелось летать с тучами и петь громкие песни с ними. Но вот, вдали блеснуло солнце с непокрытого тучами неба; там была уже видна широкая ясноголубая лента. День за днем жизнь бежала, и, когда они привыкли друг к другу, им стало скучно.

Майя: Что ж ты не скажешь мне ничего?

Чабан: А что бы сказать тебе? Как не видал я тебя, так и тоски во мне не было. В ту пору свободен я был и не хотел ничего, и не жалко мне было никого; славно было! И хотелось мне тогда многого... И знать я хотел, и делать все, – а теперь

вот, как ты со мной, уж и нельзя жить мне так, как я хотел бы и как раньше жил.

Автор: В душе Майи стало холодно, когда она услышала его речь.

Майя: Ты говоришь – это правда, и я скажу то же. Как жила я в лесу, плохо разве было в нем для меня? Вот уж нет! И это ведь ты, коли не забыл, выманил меня оттуда своими песнями! Умен ты, а вот скажи – зачем все это у нас вышло?

Автор: Он сам думал о том же... А зачем, в самом деле? Столько ли они получили друг от друга, сколько отдали друг другу? Раз как-то утром, – совсем уж осеннее то было утро, пасмурное, и тучи низко нависли над землей, тяжелые, хмурые – вот-вот упадут на степь и покроют ее толстым пуховым покрывалом, – вот этим то утром проснулась Майя и сказала Чабану:

Майя: Умираю я, милый! Да умираю!..

Автор: Темен и мрачен был лес; уж не шептал он, как прежде, так нежно и мощно в одно время, и когда-то ярко-зеленая листва его зарделась осеннею краскою, и много этой листвы попадало к корням. Тихо в нем было, стояли деревья, молчали и думали думы про лето; и тучи повисли над их вершинами низко-низко и плакали о чем-то мелким и частым осенним дождем.

Майя: Прощай! И ты, лес, прощай! Прощай и солнце там, за тучами! И вы, тучи, прощайте! Вы пугали меня раньше своей буйной отвагой, но теперь я знаю, что вами правит ветер, а им – еще что-то, и над всем царицею – Судьба, и она, наверно, тоже у кого-нибудь в неволе, может быть, у Смерти, что хочет взять меня... Но, наверно, и Смерть не свободна! Никогда она не складывает рук, все работает и работает... Зачем?.. Ну, прощай же, еще раз, мой смелый! Теперь ты снова свободен, как орел; но зачем тебе это? Спрашивал ли ты себя?.. Прощай! Буду ли я пеной в море, или голубой мглой на

горах, или вечерней тенью степной, я всегда буду помнить о тебе. Прощай!

Чабан: Пусть бы тот, кто первый влил
В чашу страсти яд,
Сам бы чашу эту пил
Долго-долго, бесконечно!..
И, желая смерти, жил,
Жил бы вечно!

Автор: Ну, вот я рассказал эту сказку. Не новая это сказка, и, может быть, она самой жизнью написана в моем сердце; да ведь говорят, что и нет ничего на свете такого, чего уж раньше не было!..

Балетная композиция.

1 Ведущий: В 1906 году Максим Горький на долгие годы уезжает в Италию, где рождаются «Сказки об Италии».

Звучит итальянская музыка.

2 Ведущий: Чувство итальянской народной музыкальной культуры пронизывает «Сказки об Италии». Они проникнуты, тем, что можно назвать музыкой жизни. Горький слышит ее повсюду – и тогда, когда звучат народные песни и народные инструменты, и тогда, когда музыкой звучит для него жизнь народа у южного моря.

1 Ведущий: «Прославим женщину-Мать, неиссякаемый источник всепобеждающей жизни!» – такими словами начинает Горький сказки о матерях в цикле «Сказки об Италии». Этим сказкам Горький придавал особое значение, рассматривая их как маленькую трилогию.

2 Ведущий: Горький писал: «В сказке «Мать» – это в «Итальянских сказках»? я выразил «романтически», и как умел, мой взгляд на женщину... Мать мира, Мать всех великих и малых творцов.

На фоне итальянской музыки звучит отрывок из «Сказок об Италии».

1 Ведущий: Что прекрасней песен о цветах и звездах?
Всякий тотчас скажет: песни о любви!
Что прекрасней солнца в ясный полдень мая?
И влюбленный скажет: та, кого люблю!

2 Ведущий:
Ах, прекрасны звезды в небе полуночи – знаю!
И прекрасно солнце в ясный полдень лета – знаю!
Очи моей милой всех цветов прекрасней – знаю!
И ее улыбка ласковее солнца – знаю!

1 Ведущий:
Но еще не спета песня всех прекрасней,
Песня о начале всех начал на свете,
Песнь о сердце мира, о волшебном сердце
Той, кого мы, люди, Матерью зовем!

Инсценировка сказки X.

Чтец: Прославим женщину – Мать, неиссякаемый источник всё побеждающей жизни!

Здесь пойдет речь о железном Тимур-ленге, хромом барсе, – счастливом завоевателе, о Тамерлане.

.....
И вот, в час веселья, разгула, гордых воспоминаний о битвах и победах, в шуме музыки и народных игр пред палаткой царя... долетел крик женщины, гордый Крик орлицы.

Царь приказал узнать, кто там кричит голосом без радости, и ему сказали, что явилась какая-то женщина, она вся в пыли и лохмотьях, она кажется безумной, говорит по-арабски и требует – она требует! – видеть его, повелителя трех стран света.

Царь: Приведите ее!

Чтец: И вот пред ним женщина – босая, в лоскутках выцветших на солнце одежд, черные волосы ее были распущены, чтобы прикрыть голую грудь, лицо ее, как бронза, а глаза повелительны...

Мать: – Это ты победил султана Баязета?

Царь: Да, я. Я победил многих и его и еще не устал от побед. А что ты скажешь о себе, женщина?

Мать: Слушай! Что бы ты ни сделал, ты – только человек, а я – Мать! Ты служишь смерти, я – жизни. Ты виноват предо мной, и вот я пришла требовать, чтоб ты искупил свою вину, – мне говорили, что девиз твой «Сила – в справедливости», – я не верю этому, но ты должен быть справедлив ко мне, потому что я – Мать!

.....
Царь: Сядь и говори, я хочу слушать тебя!

Чтец: Она села – как нашла удобным – в тесный круг царей, на ковер, и вот что рассказала она:

Мать: Я – из-под Салерно, это далеко, в Италии! Мой отец – рыбак, мой муж – тоже, он был красив, как счастливый человек, – это я поила его счастьем! И еще был у меня сын – самый прекрасный мальчик на земле... Сыну было шесть лет уже, когда к нам на берег явились сарацины-пираты, они убили отца моего, мужа и еще многих, а мальчика похитили, и вот четыре года, как я его ищу на земле.

Чтец: Восславим женщину – Мать, чья любовь не знает преград, чьей грудью вскормлен весь мир! Все прекрасное в человеке – от лучей солнца и от молока Матери, – вот что насыщает нас любовью к жизни!

Мать: Море я встретила только одно...встречались ве-при, медведи, рыси... дважды смотрели на меня барсы, глазами, как твои. Но ведь каждый зверь имеет сердце. Я говорила с ними, как с тобой, они верили, что я мать... Им было жалко меня. Разве ты не знаешь, что звери тоже любят детей и умеют бороться за жизнь и свободу за жизнь их не хуже, чем люди? Отдай мне моего ребенка, потому что я – Мать и люблю его!

Царь: Я раб божий Тимур, говорю что следует! Вот – сидит предо мною женщина, каких тьмы, и она возбудила в душе моей чувства, неведомые мне. Говорит она миг, как рав-

ному, и она не просит, а требует. И я вижу, понял я, почему так сильна эта женщина, – она любит, и любовь помогла ей узнать, что ребенок ее – искра жизни от которой может вспыхнуть пламя на многие века.

– Я, раб божий Тимур, говорю что следует! Триста всадников отправятся сейчас же во все концы земли моей, и пусть найдут они сына этой женщины, а она будет ждать здесь, и я буду ждать вместе с нею, тот же, кто воротится с ребенком на седле своего коня, он будет счастлив – говорит Тимур! Так, женщина?

И она ответила, кивнув головой:

Мать: Так, царь.

Чтец: И Женщина улыбалась, и улыбались все: цари и князья, военачальники, и все другие дети, глядя на нее – Мать!

Всё это – вечная правда, все слова здесь истина, об этом знают наши матери. И скажут они: мы – сильнее смерти, мы, которые непрерывно дарим миру мудрецов, поэтов и героев, мы, кто сеет в нем всё, чем он славен!

Инсценировка сказки XI.

Чтец: О Матерях можно рассказывать бесконечно.

Уже несколько недель город был обложен' тесным кольцом врагов, закованных в железо; по ночам зажигались костры, и огонь смотрел из черной тьмы на стены города множеством красных глаз.

В домах боялись зажигать огни, густая тьма заливала улицы, и в этой тьме, точно рыба в глубине реки, безмолвно мелькала женщина, с головой закутанная в черный плащ.

Начальники патрулей сурово предупреждали ее:

– Вы снова на улице, донна Марианна? Смотрите, вас могут убить, и никто не станет искать виновного в этом...

Гражданка и мать, она думала о сыне и родине: во главе людей, разрушавших город, стоял ее сын, веселый и безжалостный красавец; еще недавно она смотрела на него с гордо-

стью, как на драгоценный свой подарок родине, как на добрую силу, рожденную ею в помощь людям города – гнезда, где она родилась сама, родила и выкормила его.

Но однажды, в глухом углу, около городской стены, она увидела другую женщину. Мать изменника спросила:

– Муж?

– Нет.

– Брат?

– Сын.

Мать: Теперь, когда он честно погиб, сражаясь за родину, я могу сказать, что он возбуждал у меня страх: легкомысленный, он слишком любил веселую жизнь, и было боязно, что ради этого он изменит городу, как это делал сын Марианны, враг бога и людей, предводитель наших врагов, будь он проклят, и будь проклято чрево, носившее его!..

Чтец: На другой день Мать изменника явилась к защитникам города и сказала:

Мать: Или убейте меня за то, что мой сын стал врагом нашим, или откройте мне ворота, я уйду к нему... Я – мать, я его люблю и считаю себя виновной в том, что он таков, каким стал.

Чтец: Они открыли ворота пред нею, выпустили ее из города.

И вот она пред человеком, которого знала за девять месяцев до рождения его, пред тем, кого она никогда не чувствовала вне своего сердца, – в шелке и бархате он пред нею, и оружие его в драгоценных камнях. Всё – так, как должно быть; именно таким она видела его много раз во сне – богатым, знаменитым и любимым.

Сын: Мать! – говорил он, целуя ее руки. – Ты пришла ко мне, значит, ты поняла меня, и завтра я возьму этот проклятый город!

Мать: В котором ты родился, – напомнила она.

Сын: Я родился в мире и для мира, чтобы поразить его удивлением! Я щадил этот город ради тебя – он как заноза в

ноге моей и мешает мне так быстро идти к славе, как я хочу этого. Но теперь – завтра – я разрушу гнездо упрямец!

Мать: Где каждый камень знает и помнит тебя ребенком».

.....

Чтец: С черных вершин гор в долину спускались тучи и, точно крылатые кони, летели на город, обреченный смерти.

Сын: Может быть, мы обрушимся на него еще ночью, если ночь будет достаточно темна!

Неудобно убивать, когда солнце смотрит в глаза и блеск оружия ослепляет их – всегда при этом много неверных ударов, – говорил он, рассматривая свой меч.

Мать: Иди сюда, положи голову на грудь мне, отдохни, вспоминая, как весел и добр был ты ребенком, и как все любили тебя...

Он послушался, прилег на колени к ней.

Сын: Я люблю только славу и тебя, за то, что ты родила меня таким, каков я есть.

Мать: А женщины? – спросила она, наклонясь над ним.

Сын: Их – много, они быстро надоедают, как всё слишком сладкое.

Мать: И ты не хочешь иметь детей?

Сын: Зачем? Чтобы их убили? Кто-нибудь, подобный мне, убьет их, а мне это будет больно, и тогда я уже буду стар и слаб, чтобы отместить за них.

Мать: Ты красив, но бесплоден, как молния, – сказала она, вздохнув.

Он ответил, улыбаясь.

Сын: Да, как молния...

Чтец: И задремал на груди матери, как ребенок. Тогда она, накрыв его своим черным плащом, воткнула нож в сердце его, и он, вздрогнув, тотчас умер – ведь она хорошо знала, где бьется сердце сына. И, сбросив труп его с колен своих к ногам изумленной стражи, она сказала в сторону города:

Мать: Человек – я сделала для родины всё, что могла; Мать – я остаюсь со своим сыном! Мне уже поздно родить другого, жизнь моя никому не нужна.

Чтец: И тот же нож, еще теплый от крови его – ее крови, – она твердой рукою вонзила в свою грудь и тоже верно попала в сердце, – если оно болит, в него легко попасть.

Тихо звучит Тарантелла или другая итальянская музыка. На сцену выходит девушка в итальянском костюме и чтец. Инсценировка сказки «Нунча» (XII).

Чтец: Квартал святого Якова справедливо гордится своим фонтаном, у которого любил отдыхать, весело беседуя, бессмертный Джованни Боккаччо.

В квартале нашем много родилось и жило замечательных людей. До лета прошлого года гордостью квартала была Нунча, торговка овощами.

Нунча в двадцать три года осталась вдовою с пятилетней дочерью на руках, с парой ослов, огородом и тележкой, – веселому человеку не много нужно, и для нее этого вполне достаточно.

Лет десять сияла Нунча звездой, всеми признанная первая красавица, лучшая танцовка квартала, и, будь она девушкой, – ее, конечно, выбрали бы королевой рынка, кем она была в глазах всех.

Но вот однажды в праздник, когда люди выходили из церкви, кто-то заметил удивленно:

– Смотрите-ка, Нина становится совсем точно мать!

Это была правда, как майский день: дочь Нунчи незаметно для людей разгорелась звездой, такую же яркой, как мать. Ей было только четырнадцать лет, но – очень рослая, пышно-волосая, с гордыми глазами – она казалась значительно старше и вполне готовой быть женщиной.

И тогда впервые на лице веселой женщины люди увидели тень грусти, а вечером она сказала подругам:

– Вот наша жизнь! Не успеешь допить свой стакан до половины, а к нему уже потянулась новая рука...

Разумеется, сначала не заметно было и тени соперничества между матерью и Ниной, – дочь вела себя скромно, бережно, смотрела на мир сквозь ресницы и перед мужчиной неохотно открывала рот; а глаза матери горели все жадней, и все призывней звучал ее голос.

Люди вспыхивали около нее, как паруса на рассвете, когда их коснется первый луч солнца, и это верно: для многих Нунча была первым лучом дня любви, многие благодарно молчали о ней, видя, как она идет по улице с тележкой, стройная, точно мачта, и голос ее взлетает на крыши домов.

Она умела одеться так, что ее красота выигрывала, как доброе вино в стакане хорошего стекла: чем прозрачнее стекло – тем лучше оно показывает душу вина, цвет дополняет запах и вкус, доигрывая до конца.

Да, а около матери все чаще является дочь, скромная как монахиня или как нож в ножнах.

Проходит год, два, – дочь все ближе к матери и – дальше от нее. Уже всем заметно, что парни не знают, куда смотреть ласковей – на ту или эту. А подруги, друзья и подруги любят укусить:

– Что, Нунча, гасит тебя дочь?

Женщина, смеясь, отвечала:

– Большие звезды и при луне видны...

Как мать она гордилась красотой дочери, как женщина – Нунча не могла не завидовать юности: Нина встала между нею и солнцем, – матери обидно было жить в тени.

Звучит музыка «Тарантелла», читает и танцует девушка в итальянском костюме.

И настал день, когда дочь сказала матери:

– Мама, ты слишком заслоняешь меня от людей, я ведь уже не маленькая и хочу взять от жизни свое! Ты жила много и весело, – не пришло ли и для меня время жить?

– В чем дело? – спросила мать, виновато опустив глаза, – знала она, в чем дело. Воротился из Австрии Энрико Борбоне, он был дровосеком в этой чудесной стране, где всякий желающий легко достаёт большие деньги, он приехал погреться на солнце родины и снова собирался туда, где живется свободней. Было ему 36 лет, бородатый, могучий, веселый, он прекрасно рассказывал о своих приключениях, о жизни в дремучих лесах; все принимали эту жизнь за сказку, мать и дочь – за правду.

– Я вижу, что нравлюсь Энрико, – говорила Нина, – а ты с ним играешь, и это, делая его легкомысленным, мешает мне.

– Понимаю, сказала Нунча. – Хорошо, ты не станешь жаловаться мадонне на твою мать...

И эта женщина честно отошла прочь от человека, который – все видели – был приятен ей больше многих других.

Но известно, что легкие победы делают победителей заносчивыми, а если победитель ещё дитя – дело совсем плохо!

Нина стала говорить со своей матерью не так, как заслуживала Нунча; и вот однажды, в день святого Якова, на празднике нашего квартала, когда все веселились от души, а Нунча уже великолепно станцевала тарантеллу, – дочь заметила ей при всех:

– Не слишком ли много танцуешь ты? Пожалуй, это не по годам тебе, пора шадить сердце...

Все, кто слышал дерзкие слова, сказанные ласково, замолчали на секунду, а Нунча в ярости крикнула, подпирая руками стройные бока:

– Моё сердце? Ты заботишься о нём, да? Хорошо, девочка, спасибо! Но – посмотрим, чьё сердце сильнее!

И, подумав, предложила:

– Мы пробежим с тобою отсюда до фонтана трижды туда и обратно, не отдыхая, конечно...

Многим показалась смешной эта гонка женщин, были люди, которые отнеслись к этому как к позорному скандалу,

но большинство, уважая Нунчу, взглянуло на её предложение с серьёзной шутливостью и заставило Нину принять вызов матери.

Выбрали судей, назначили предельную скорость бега, – всё, как на скачках, подробно и точно. Было много женщин и мужчин, которые, искренно желая видеть мать победительницей, благословляли её и давали добрые обеты мадонне, если только она согласится помочь Нунче, даст ей силу.

И вот мать и дочь стоят рядом, не глядя друг на друга, вот глухо ударил бубен, они сорвались и летят вдоль улицы на площадь, как две большие белые птицы, – мать в красном платке на голове, дочь – в голубом.

Уже с первых минут стал ясно, что дочь уступит матери в лёгкости и силе, – Нунча бежала так свободно и красиво, точно сама земля несла её, как мать ребёнка, – люди стали бросать из окон и с тротуаров цветы под ноги ей и рукоплеская, одобряя её криками; в два конца она опередила дочь на четыре минуты с лишком, и Нина, разбитая, обиженная неудачей, в слезах и, задыхаясь, упала на ступени паперти, – не могла уже бежать третий раз.

Бодрая, словно кошка, Нунча наклонилась над нею, смеясь вместе со многими.

– Дитя, – говорила она, поглаживая рассыпавшиеся волосы девушки своей сильной рукой, – дитя, надо знать, что наиболее сильное сердце в забавах, работе и любви, – сердце женщины, испытанной жизнью, а жизнь узнаёшь далеко за тридцать... дитя, не огорчайся!..

И, не давая себе отдохнуть после бега, Нунча снова пожелала танцевать тарантеллу:

– Кто хочет?

Вышел Энрико, снял шляпу и, низко поклонясь этой славной женщине, долго держал голову почтительно склонённой перед нею.

Грянул, загудел, зажужжал бубен и вспыхнула эта пламенная пляска, опьяняющая, точно старое, крепкое, тёмное вино; завертелась Нунча, извиваясь, как змея, – глубоко понимала она этот танец страсти, и велико было наслаждение видеть, как живёт, играет её непобедимое тело.

Плясала она долго, со многими, мужчины уставали, а она всё не могла насытиться, и уже было за полночь, когда она, крикнув:

– Ну, ещё раз, Энри, последний! – снова медленно начала танец с ним – глаза её расширились и, ласково светясь, обещали много, – но вдруг, коротко вскрикнув, она всплеснула руками и упала, как подрубленная под колени.

Доктор сказал, что она умерла от разрыва сердца.

Вероятно...

Звучит итальянская музыка.

1 Ведущий: Читая Горького и о Горьком, убеждаешься в том, что одним из самых любимых им музыкальных инструментов был рояль – инструмент поистине универсальный. Его звучание оказывало на писателя почти гипнотизирующее действие. Ведь на рояле можно исполнять написанные не только для фортепиано, но и оркестровые, вокальные сочинения.

2 Ведущий: В письме к К.П. Пятницкому от 25 июля 1902 года мы читаем: «Учусь играть на пианино, уверен, что научусь. Сие мне необходимо, ибо я задумал одноактную пьесу «Человек»... Это требует музыки, ибо должно быть написано стихами».

1 Ведущий: Играть на рояле Горький не научился: кипучая литературная и общественная деятельность помешала этому. Вместо задуманной пьесы он написал поэму того же названия – «Человек».

Отрывок из поэмы «Человек» звучит на фоне тихо звучащей пьесы Бетховена «Героическая».

Чтец: Человек! Я вижу его гордое чело и смелые, глубокие глаза, а в них – лучи бесстрашной Мысли, той величавой

силы, которая в моменты утомленья – творит богов, в эпохи бодрости – их низвергает.

Затерянный среди пустынь вселенной, он мужественно движется – вперед! и – выше! – по пути к победам над всеми тайнами земли и неба.

Идет он, орошая кровью сердца свой трудный, одинокий, гордый путь, и создает из этой жгучей крови – поэзии нетленные цветы; тоскливый крик души своей мятежной он в музыку искусно претворяет, из опыта – науки создает и, каждым шагом украшая жизнь, как солнце землю щедрыми лучами, – он движется все – выше! и – вперед! звездой путеводной для земли...

Вооруженный только силой Мысли.

Идет! В груди его режут инстинкты; противно ноет голос самолюбья, как наглый нищий, требуя подачки; привязанностей цепкие волокна опутывают сердце, точно плющ, питаются его горячей кровью и громко требуют уступок силе их... все чувства овладеть желают им; все жаждет власти над его душою.

И как планеты окружают солнце, – так Человека тесно окружают созданыя его творческого духа: его – всегда голодная – Любовь; вдали, за ним, прихрамывает Дружба; пред ним идет усталая Надежда; вот Ненависть, охваченная Гневом, звенит оковами терпенья на руках, а Вера смотрит темными очами в его мятежное лицо и ждет его в свои спокойные объятья...

Так шествует мятежный Человек сквозь жуткий мрак загадок бытия – вперед! и – выше! все – вперед! и – выше!

Громко звучит мелодия Бетховена «Героическая».

Литература

1. Горький М. Собрание сочинений : в 16 т. / М. Горький. – М. : Правда, 1979. – 16 т.

2. Горький М. Стихотворения / М. Горький. – М. : Советский писатель, 1947. – 100 с.

3. Горький М. Мать / М. Горький. – Ярославль : Верхне-Волжское кн. изд-во, 1981. – 250 с.

4. Иванов А. С. М. Горький в музыке : справочные материалы / А. С. Иванов. – М. : Сов. композитор, – 1969. – 200 с.

5. Ливанова Т. Н. Музыка в произведениях М. Горького / Н. Т. Ливанова. – М. : Изд-во Академии Наук СССР, 1957. – 340 с.

6. Пиксанов Н. К. М. Горький и музыка / Н. К. Пиксанов. – Л., М. : Гос. муз. изд-во, 1950. – 100 с.

7. Рацкая Ц. Музыка в жизни и творчестве А. М. Горького / Ц. Рацкая. – М. : Музыка, 1985. – 305 с.

Для заметок

Для заметок

ГОРЬКОВСКИЕ ВЕЧЕРА
к 140-летию со дня рождения М. Горького

Компьютерный набор *О. С. Иващенко*
Компьютерная верстка *М. Е. Шеховской*

Сдано в набор 13.11.2008. Подписано в печать 15.12.2008.
Формат 60 x 84¹/₁₆. Усл. печ. л. 4,25.
Тираж 700 экз. Заказ № 24.

Б И Ц Белгородской государственной универсальной
научной библиотеки
308014, г. Белгород, ул. Попова, 39а
тел. 26-74-83